

Андрей Гнездилов: «Мне сама жизнь кажется сказкой»

Андрей Владимирович Гнездилов – основоположник хосписного движения в России, его руками в 1990 г. был создан первый в стране хоспис для онкологических больных в Лахте. Его звания и регалии перечислять можно долго. Он врач-психиатр, доктор медицинских наук, профессор, бессменный консультант Хосписа № 1 Приморского района Санкт-Петербурга, почетный доктор Эссекского университета (Великобритания), председатель Ассоциации онкопсихологов России. А еще – он автор многих статей и публикаций, а также нескольких десятков научных и популярных книг, разработчик авторских методов в психотерапии: сказкотерапии, имидж-терапии, терапии колокольным звоном. Он – основной автор заповедей хосписа.

Предлагаем вниманию читателей беседу Андрея Владимировича Гнездилова с его ученицей и последователем онкопсихологом **Инной Ковалевой**.

Уйти на любящих руках

И.К.: Андрей Владимирович! После нашего знакомства в Лахтинском хосписе мне буквально запали в сердце ваши слова о том, что важно прийти в этот мир на любящие руки и уйти из него на любящих руках. Когда стала задумываться о том, как же прожить остаток жизни так, чтобы эти любящие руки оказались рядом со мной, пришло понимание, что первостепенное значение имеют отношения с собственными родителями, их исцеление. А дальше – важно, как мы сами справляемся с ролью родителей и другими нашими ролями. Как вы считаете, что самое большее родители могут дать своим детям?

А.Г.: Конечно, ответ напрашивается сам собой – любовь. Но дело в том, что понятие любви довольно растяжимое, и каждый отмеряет любовь той мерой, которой сам чувствует или ощущает. Иногда ему кажется, что он любит ребенка, вводя его в какие-то социальные рамки. Кто-то читает книги и пользуется советами, как воспитывать ребенка, как прививать ему те или иные качества. Кто-то считает, что любовь заключается в том, чтобы сделать ребенка похожим на себя, но с большим успехом, дать ему то, чего ты сам не имел в своей жизни. Чтобы то, за что ты боролся, достигал путем труда, ребенку далось даром. Здесь очень трудно уловить ту грань, где действительно любовь не портит ребенка, не приучает его к дармовщине. Поэтому мне кажется, что любовь родительская ограничена определенным образом рамками семьи, понятиями, которые мы впитали из литературы или социальной жизни.

Любя, важно не присваивать ребенка себе. Потому что мы всегда, особенно в личностных отношениях, стремимся к соединению наших представлений о жизни с представлениями о жизни ребенка. Одно

притягивает к другому. У ребенка своя собственная жизнь, и ребенок должен иметь понятие о той жизни, которая бывает, существует. Но когда мы пытаемся все сделать идеальным, тогда мы должны сказать ему, что, да, мы вот рассказываем тебе сказку, вот так должно быть в идеале. А ты постараися быть ближе к этому идеалу, если ты не можешь полностью принять его. Ты сам можешь сочинить сказку про свою собственную жизнь. Ты сам можешь сочинить те правила, которые помогут тебе варьировать в поведении с тем или иным концом или сюжетом.

А самое главное – дать ребенку веру. Создать условия для ее рождения. Веру, которая поможет ему удержаться в жизни, даже когда не будет ни отца, ни матери, даже когда память о них не будет спасать. А вот вера в разумность жизни, в понятие того, что жизнь духовна, что именно духовная жизнь наиболее важна, вера в то, что есть справедливость на земле, как и в небесах, – вот это самое большое, что может дать родитель своему ребенку – вера Богу. Это как бы закрепление союза ребенка с Высшим миром, появление ангела-хранителя, который убережет ребенка и поможет сделать ему правильный выбор в различных ситуациях.

О вере в чудо и детских комплексах

И.К.: Как не убить в ребенке веру в чудо? Сегодня психологи работают с детьми, которые не читают сказок, не верят в чудеса, не знакомы с ними.

А.Г.: Это нужно начинать с родителей. Есть культура женская, культура мужская и детская. Мужская и женская культуры не выдержали испытаний агонией патриархата, когда мужской тип культуры привел к тупику. Создали атомную бомбу, мир держится на волоске из-за загрязнений, безумий, безудержной гонки вооружений, гонки – кто первый, кто сильнее. Это глупо. Мир не может на этом строиться. Поэтому

так важно сейчас сменить акценты и впустить в этот мир детскую культуру, незлобивую, которая разрешает ребенку оставаться в своем мире, и не стараться его пропихнуть в чей-то другой мир.

И.К.: Случается так, что дети растут без родителей, с одним родителем или оставаясь полным сиротой. Если родители не появляются в жизни этого ребенка и он уже вырос, как вы думаете, стоит ли искать родителей, которых никогда не видели?

А.Г.: Это может решить только сам ребенок или человек, которому важно понять, почему его бросили родители, почему оставили его? Почему он оказался хуже других детей, которых растили, опекали, у которых сложились родные отношения. А так он оказался выброшенным в мир – одинокий, не понявший, за что и почему. Вот это чувство того, что справедливость можно восстановить, что, может быть, родители не знали, каким он будет, и когда увидят его, то поймут свою ошибку. Можно выстроить новое прошлое, где он любим, где он оценен своими родителями. Ведь, как бы ни говорили, что дети эксплуатируют своих родителей, дети смотрят на то, насколько родители признают их состоявшимися. У каждого ребенка есть такой комплекс – не то, что папа хороший или плохой, а что он, ребенок, хорош для папы или он недостоин своего отца. Но здесь, конечно, столько комплексов детских, тяжелых, которые продолжаются всю жизнь и порой определяют выбор. Замечено, что дети часто повторяют выбор своих родителей.

А когда безродительный ребенок создает семью, то часто за нее держится. Искусственно воссоздает формулу семьи. Иногда он идет на воинскую службу, где ему не нужно размышлять. Армия – семья, в лице начальника он имеет отца, который не дает рассуждать, а направляет его: налево, направо, прямо или назад. Помогают и социальные фантомы вроде того, что начальник – отец, Родина – мать. Не отец Родина, а мать. Более широкое понятие отца и матери позволяет ребенку создать условия семьи, иногда, увы, – воссоздать изломанность семьи, исполненной несправедливости, но все-таки семьи.

Сейчас, к сожалению, все это поколеблено, нарушено. Религия дает понятие об отце, матери и ребенке. Троица есть не что иное, чем понятие Семьи: Бог отец, Бог дух святой, который является творческим началом, во многим объединяется с женским началом, и Сын. Сын – по сути дела, и Христос. И сам ребенок себя отождествляет с ним. Вот и Троица. Но это более высокая троица, когда человек осознает, что пусть он не имеет отца или матери, но он имеет небесных отца и мать и может в любой момент, если он верующий человек, обратиться и получить поддержку.

У каждой души свое предопределение. Растение не сходу растет, а все-таки проходит и весну, и лето, и зиму. Не стоит слишком привязываться к земному.

Мы слишком придаем значение родству по крови. А уже известно, что гораздо глубже родство по духу, по душе. Разве вам не приходилось встречать людей,

которые настолько близки вам и ваша связь настолько глубока, что родственные связи не идут в сравнение? И разве мы не встречаем столько семей, где дети отрицают родителей, стараются избегать их участия. Большинство детей, которые слишком быстро выходят замуж или женятся, часто пытаются сбежать из семьи родителей. Это целый сложный психологический механизм, который вначале должен сделать ребенка самостоятельным. Вот почему родители должны отпускать его в определенный период времени, пока он становится на ноги. Потом он уже возвращается к родителям, когда сам становится родителем, понимая, что значат отцовские и материнские чувства, что значат дети в его собственной жизни.

Понятие «дом» переменчиво

И.К.: Что бы вы сегодня сказали своим родителям?

А. Г.: Вы знаете, это не важно, что я скажу или не скажу им. Важно, что я почувствую. Это вне слов. Потому что у меня есть основания быть ими и недовольным, и довольным, счастливым и не счастливым. Вся гамма чувств. Но конечно, мои родители, которые создали микроклимат, в котором ярос, они мне дороги как никто. Так же, как земля, которая родная, потому что ты на ней родился. И она настолько родная, что в ней погребены твои предки, эта связь поколений ощущается. И ты понимаешь, как важно быть похороненным в родной земле. Очень часто мы наблюдаем, как люди возвращаются из-за границы, платят большие деньги за то, чтобы им разрешили быть похороненными на родной земле.

Все это входит в личностное пространство человека и в понятие дома. У человека формируется понятие дома с того момента, когда он попадает во чрево матери. Это его личностное пространство, пространство дома – это матка, в которой он находится, созревает. Потом его личностное пространство определяется колыбелью.

Потом он отождествляет себя с комнатой, в которой находится, с квартирой, с домом, с улицей, с городом, со страной, и в конце концов – со всем миром. Через какое-то время идет обратное движение. Он вынужден отождествлять себя с гробовой доской и колыбельным гробом.

«Мне сама жизнь кажется сказкой»

И. К.: Есть высказывания: «Знания умножают скорбь», или «Многие знания – многие горести». Много лет вы посвятили хоспису. За этот период было много общения с чужой болью, с чужими жизнями и чужими смертями. Что вам дало это знание – этих людей, их жизней? Они вам подарили что-то, что-то открыли?

А. Г.: Они и подарили, и открыли, и отняли у меня много радости. Потому что трудно избавиться от впечатлений, которые ты только что перенес, отойдя от постели умирающего человека. Ты не можешь сразу перемениться, забыть об этом и смеяться.

Ты продолжаешь с ним пребывать после его ухода. Хотя и слабое утешение, но возможность хоть как-то облегчить человеку жизнь, разделить с ним его ситуацию, ужасно одинокую – это равносильно тому, что ты, хотя не умеешь плавать, но бросаешься в воду, видя, что тонет ребенок. Я работаю там не потому, что я что-то получаю или что-то теряю. Просто инстинкт бросает тебя туда. Хотя ты и знаешь, что это не поможет, не остановит процесс смерти.

И.К.: Что давало вам силы изо дня в день быть рядом с умирающим человеком?

А.Г.: Ну, видите ли, тут сложный вопрос. Я мог бы ответить на него просто. Та любовь, которую я испытываю к сказкам. Мне сама жизнь кажется сказкой. Поэтому, все время ждешь, что вопреки всякой логике вдруг взойдет солнце, раздвинутся тучи и окажется, что все это было сном... У Достоевского есть великолепнейшее поэтическое описание петербургского утра. Когда слякотно, туман стоит, дождь. А все же он говорит, что петербургское утро едва ли не самое фантастическое в мире. В утро гнилое, сырое, туманное весь город кажется чым-то сном.

«Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая грена: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»»

И.К.: А для вас писали сказки, дарили их?

А.Г.: Нет.

И.К.: А вам бы хотелось?

А.Г.: Естественно. Я большой любитель сказок, я их сочиняю, потому что для меня их никто не сочинил. Поэтому я сам себя радую.

И.К.: Говорят, что первый закон Вселенной – это благодарность. Кому вы благодарны?

А.Г.: Господи, конечно Всевышнему. Если ты почувствуешь, что Он Создатель твой... Вы можете себя представить созданием рук Божьих? Представьте себе, что если Он создал нас, то какую ответственность Он на себя взял? Вложив свое тело, Свой дух, Свои надежды – в это маленькое существо. Лживое, злое, коварное. (Улыбается).

Надо ли говорить о смерти?

И.К.: Андрей Владимирович, как вы думаете, сообщение, что конец близок, пациенту лучше слышать от доктора или от родственников? И говорить ли об этом вообще?

А.Г.: Я думаю, что это не совсем обязательно говорить. Если человек готов и хочет, он сам заговорит. А тебе важно слушать больного и быть для него опорой и утешением. А внушать ему те или иные догмы, которые ты исповедуешь, – это нечестно. Ему больно, он умирает, а ты остаешься жить. Всегда лучше уступить место. Особенно в очереди за смертью.

И.К.: Современная тенденция такова, что нужно сказать больному, что у него осталось небольшое количество времени, для того чтобы он успел что-то завершить в своей жизни.

А.Г.: Ну, если ты знаешь, что у него много долгов, которых он не исполнил, возможно, и имеет смысл напомнить ему, что время не ждет.

И.К.: Но с другой стороны, кто мы такие, чтобы кому-то напоминать о его долгах?

А.Г.: Да, в этом смысле вы правы. Если бы мы сами знали о смерти что-то определенное, а ведь мы знаем не больше тех, кому мы о смерти говорим. Чтобы иметь право сказать человеку о том, что он умирает, нужно самому знать, что такое смерть, или знать немножко больше.

Когда прошлого уже не исправить

И.К.: О каких ошибках в отношениях со своими детьми чаще сожалеют умирающие люди?

А.Г.: Это ответ, который могут дать умирающие алкоголики. Так они пишут посмертные записки, когда кончают жизнь самоубийством. «Маша. Меня похорони, как хочешь. Можешь сжечь, можешь как угодно. Но никогда не бей нашего сына. Христом Богом тебя молю». Или другой пишет: «Сделай все что угодно, чтобы сын не сталкивался с «горькой». Со мной поступай, как хочешь. Мне поздно каяться, но поставь над моей могилой крест. Мне так будет легче». Он не хочет у Бога выторговывать прощение, поскольку он ничего исправить не может уже. Хотя и понимает все.

Человек ведет себя согласно той идеологии, которая его окружает. Самое ужасное, что большевики отобрали Бога у человека – душу. Все свели к сегодняшней жизни. А жизнь гораздо больше и продолжается на века. Поэтому суживать ее до простого материального существования – это бессмысленно. Особенно русским людям. Достоевский вообще не мыслил, чтобы русский человек был не православным. Если он не православный, так он вообще не русский. Поэтому что вот это глубокое влияние культуры религии на формирование культуры человека очень важно. Если ее нет, то он самый страшный из бандитов.

И.К.: Перед уходом люди хотят что-то изменить?

А.Г.: К сожалению, у них уже нет времени что-либо изменить, и это самое тяжелое для них. Больше сожалели, что в отношении детей были несправедливы. В отношениях с жизнью. Одни сетуют на то, что работали не щадя себя, ничего кроме работы не знали. Другие, наоборот, сетуют, что слишком много радовались в жизни, не думали о Боге. Что самый важный вопрос они не продумали. И всех мучает один вопрос: «Что дальше?» Потому что человек с самого начала, если он воспитывался в религиозном сознании, был ориентирован в следующем вопросе: «Для чего мы живем? Каков смысл нашей жизни?»

Вы думаете об этом часто? Думаю, что мы, конечно, все задумываемся об этом, но не так часто,

как следовало бы. А в Евангелии говорится: «Ищите же, прежде всего Царства Божия и Правды его, и это все приложится вам». Царство небесное как истину, которая жива, несмотря на все что угодно. Конечно, атеисты пытаются возражать, хватаясь за старославянские языки. Там было учение Христа преподнесено при совершенно другом строе, при других социальных отношениях. Естественно, он сравнения брал такие, какие касались той простой, пастушеской жизни. А сейчас все другое. Поэтому возражать, хватаясь за сравнения, которые кажутся фантастическими, – это глупо. Есть такое выражение, латинское: «Contra spem spero» – без надежды надеюсь. Покажи мне, дай потрогать этот мир – тогда я поверю. Им удается потрогать, и тогда они понимают, что то, что они трогают, – это не то. Это материя, за ней нужно смотреть. То главное, что требует веры, не потрогать. Это существует, и для него не требуются доказательства, потому вера не требуется логических рассуждений.

И. К.: А кого чаще хотят увидеть перед смертью?

А. Г.: Детей. Даже не своих, а внуков. Оказывается, дедушкам и бабушкам гораздо ближе внуки, чем их собственные дети.

«И остави нам долги наши, яко же и мы...»

И. К.: Вы говорили, что чаще верующие люди перед уходом стараются простить обиды, не хотят уносить их с собой. Правильно я услышала?

А. Г.: Правильно. Единственное, что здесь сам процесс прощения очень сложен. Чтобы простить кого-то, надо иметь на это право. Это право иногда получается тогда, когда ты сам, первый, просишь прощения, поняв, осознав свою греховность, а потом, уже получив прощение, совершив этот акт прощения, ты уже можешь сам прощать. Сказано: «И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим».

И. К.: А кого чаще благодарят в конце жизни?

А. Г.: Близких. Вообще, у человека расширяется сознание во время приближения к смерти. Они понимают иногда очень тонкие вещи, прочитывают их. Наши больные, когда умирают, просят сестру или близкого человека обнять его и в объятиях умирают. Некоторые слушают музыку – не часто, но бывает. Я говорил, что самая лучшая смерть тогда, когда человек может молиться перед смертью?

Как изжить чувство вины

И. К.: Андрей Владимирович! Сейчас сталкиваюсь с самой, наверное, большой проблемой, работая с детками паллиативными и с детьми с множественными органическими нарушениями. Родители, особенно мамы, остро переживают чувство вины: «Что я такого сделала, почему у меня такой ребенок?»

Найти причину болезни ребенка не могут и в этой тщетной попытке найти разумное разъяснение начинают винить себя. Но бывают ситуации, когда мама раскрывается в своей боли и просит о помощи. Как эту помощь можно оказать? Как ее поддержать?

А. Г.: Ну, во-первых, когда человек начинает обвинять себя, значит, у него есть какой-то груз невыполненного долга, каких-то неразрешенных проблем во взаимоотношениях с ребенком. И вообще, мы всегда представляем себе человека отдельно, а он – существо общественное. И всегда, когда мы обращаемся к тем или иным несчастьям, которые нас посещают, мы сразу вспоминаем все те огни, ошибки, которые мы совершили. Мы забываем, что семья – это единое целое. Это не просто один человек. Это всегда несколько человек, спаянных общностью духовной, физической, и в результате, конечно, сама болезнь приходит так же, как сознание вины в этой болезни. Приходит к человеку независимо от того, он заболел, или заболел его родственник, или заболели его дети. Поэтому дети, как часто случается, как бы на себе проносят ту вину неправильного поведения родителей, которую приходится изживать, искупать ребенку. Здесь, конечно, нужна определенного рода исповедь. Будет ли она у священника, будет ли она у врача, каждый решает сам. Человек требует возможности высказаться, объяснить свои поступки. И возможно, тогда, при открытии тех причин, приходящих в голову, родителю нужно обосновать свое положение. В чем-то очиститься, в чем-то оправдаться. За что-то, может быть, заплатить своим покоем.

Во всяком случае, вот эта высказанная вина, ее легче изжить, избавиться от нее. И хотя мы настроены на то, чтобы скрыть и сгладить негативы, их не сгладишь. Их надо выплеснуть вот так же, как любое впечатление, которое на нас производит мир и любой опыт, который мы имеем в жизни. Негативно или позитивно, но мы должны это выразить. В том числе и беседой с врачами или с кем-то из близких, которым мы доверяем. Вот эта высказанность, выплескивание аффекта, который наполняет человека часто депрессивными явлениями, вот этот момент приводит к какому-то равновесию. Тем более что исправить уже невозможно, значит, можно, по крайней мере, объяснить, поставить точку, пережив то, что возможно пережить человеку. Чувство вины можно высказать, можно выплеснуть и понять, что нужно спокойное отношение. Понять, что нет людей, которые были бы святыми и не имели оснований себя в чем-либо упрекать.

Существование высших сил, оно как раз дает нам особую точку зрения на все эти проблемы. Когда можно молитвой, добрыми мыслями, какими-то поступками сгладить то, что тебе кажется неизгладимым. Пережить самому, а затем, может быть, придать смысл страданиям ребенка... что очень трудно... Но тем не менее возможно сместь, уже высказав, вытащив занозу, думать над тем, за что все остальное.

Наедине с болью

И.К.: А ситуация, когда часто при рождении не здорового ребенка отцы не выдерживают, покидают семью. Мы не знаем их истинных причин, но с тяжело больным ребенком остается одна мать. А зачастую и близкие родственники отказываются от помощи, устраниются из жизни мамы и ребенка. И женщина остается брошенной, со своим ребенком, который является для нее, с одной стороны, смыслом жизни, а с другой – борьба за его жизнь отнимает все силы. Ребенок – источник любви, его болезнь – источник боли. Как она может себе помочь? В чем искать смысл всего происходящего? В чем искать силы на преодоление? Или не относиться к этому как к преодолению?

А.Г.: Вы понимаете, что мы все приучены к каким-то играм. Игра в одного виновного, игра в двух виновных, игра в виновность всего общества, в котором мы живем, где процветают стереотипы взаимоотношений и, собственно говоря, существуют роли, в которые жизнь загоняет нас. Роль жертвы иногда приводит нас к таким ситуациям, когда сама депрессия как бы желанна, она оправдывает самого человека и в какой-то степени изживает саму себя. Здесь очень важна консультация с врачом, который может выслушать и расставить все на свои места. Кто-то из писателей говорил о том, что тоска может приводить человека в упоение. В упоение своей долей, сожалением по своему положению, завистью к окружающим людям. Но эта тоска до самозабвения, что называется, когда человек как бы наслаждается своим страданием. Возьмите образ Настасьи Филипповны из «Идиота», когда она до самозабвения тешит свое самолюбие нанесенной ей обидой. И она всюду прикладывает свою судьбу как эталон – как не должно быть. У нее существует одно: что она не виновата, а вынуждена выглядеть или поступать как падшая женщина.

Поэтому нужно не только посмотреть на проблему в плане конкретного проживания тех обид, которые нанесены, но прежде всего подумать о том, что человек, в которого вы кидаете камень, – мужчина, который бросил семью в трудном положении, с болеющим ребенком, фактически предал, – на него тоже можно посмотреть как на взрослого, который несет ответственность за свое поведение, а можно посмотреть как на ребенка, который недовоспитан. Которого недолюбили, который тоже несет в себе какой-то негатив, не дающий ему наслаждаться жизнью. И он бежит прочь от трудностей, потому что его не приучали к другому виду логики.

Люди смотрят на жизнь как на прекрасный парк, в который они пришли прогуляться. А на самом деле это школа. В этой школе должны быть правила. И если человек иногда просыпается от страданий, то только страдания могут человеческую душу понудить искать какой-то духовный, другой смысл жизни. Здесь можно сравнить атеистический и теистический подход – когда то, что кажется лишним,

ненужным, несправедливым по отношению к этому человеку, то, что с ним случается в жизни, на самом деле имеет какой-то глубокий смысл и пробуждает в человеке совесть, какие-то другие понятия. Я не хочу оправдывать людей, уходящих от семьи, но нужно взглянуть на них тоже как на детей, недоучившихся и не получивших то духовное образование, которое позволяет человеку быть ответственным в своей жизни. Конечно, легко сказать – наладить отношения даже с тем человеком, который обидел тебя, оскорбил или бросил в трудную минуту. Но тем не менее, если посмотреть на него так же, как на ученика, который не справился с поставленной задачей, можно увидеть большее. Дело в том, что негатив, который человек сеет, – он возвращается к нему. Просто обязательным образом. И поэтому неважно, накажешь ты его или не накажешь, или простишь. Но можно возвратить человека к чему-то честному, порядочному, потому что рано или поздно ему захочется истинного, не придуманного мира. И каких-то отношений – честных и порядочных. Люди должны не убегать друг от друга, а сбегаться друг с другом. Впрочем, они ничего не должны, но в жизни должен быть ритм плохого и хорошего. Одни люди не должны иметь преимущества перед другими.

Принимать и прощать

И.К.: Есть утверждение: «Жизнь – это взаимоотношения». Я сперва хотела спросить: это «взаимо» с кем лучше всего наладить? Понятно, что это родные. Но зачастую бывает так, что чужих проще, легче, приятнее, что ли, любить, эти взаимоотношения лучше налаживаются. Как принимать своих родных?

А.Г.: Во-первых, ты прощай всегда своих друзей, полных недостатков, достойных снисхождения. Во-вторых, старайся поступать так, чтобы не просить потом за то прощения.

«Обицаясь с дураком, ты наберешься срама.

Поэтому совет ты выслушай Хаяма:

Яд мудрецов, предложенный, прими.

Из рук же дурака не принимай бальзама».

И.К.: Где черпать принятие?

А.Г.: В природе. Она принимает все, даже топор дровосека, который рубит дерево. Оно принимает и продолжает служить человеку телом, плотью своей, жизнью. Вы могли бы так? Под топор подставить шею?

И.К.: ... может быть, ради сына, за него...

А.Г.: А мы для природы тоже дети, ради которых она гибнет. Хотя понимает, что это бессмысленно – погубление природы. Но это развращенность души...

И.К.: А где нам всем брать силы?

А.Г.: Каждый берет, где может, из того, что ему близко. Искусство дает много возможностей. Никто от вас не отнимал воображение. Мы живем каждый в своей программе, которую нам иногда создают наши родные. И мы пускаем в дело фантазию, творческое воображение и фактически, в каких-то условиях,

мы изживаем негативные аффекты, сводим их к позитивному. То есть чему-то научает нас эта история. Иначе не было бы эволюции. А эволюция все-таки существует в мире. И надо понимать, что ручеек жизни, который течет через тебя, он начал свой путь еще во времена сотворения мира, и ты можешь ощутить себя солнечным лучом или каплей солнечного вещества, которая превратилась в тепло животворящее и твою плоть. Все это достаточно важно.

Страх может быть управляемым

И.К.: В работе с паллиативными детками, находящимися в вегетативном состоянии, иногда задаешься вопросом – как я могу играть с ребенком сейчас? Вспоминаю слова о том, что даже в коме человек все слышит и все чувствует, вижу это и могу сказать: ребенок отвечает по-своему, слышит и чувствует. Он с нами в каждом моменте совместного пребывания. Что в игре с ребенком должно быть главным, или каково оно – общение с уходящим ребенком?

А.Г.: Смысл здесь не в самой игре, конечно. Человек – ребенок ли, взрослый ли – может пугаться каких-то явлений, могут возникать страхи. Поэтому важно, чтобы он не чувствовал себя одиноким. Если его держать за руку, страх может быть управляемым.

Если возможно погрузить его в волшебный мир сказки, тогда ему совершенно не страшно будет. Если он поймет, что смерти нет, для него это будет высшей опорой и поддержкой. Возьмите пример: вы смотрите на лужу утром, а вечером ее нет уже, исчезла. Что она, умерла? Нет. Она поднялась в небеса, чтобы низвергнуться дождем. Так и огонь горит, потом потухает. Огонь умер? Нет. Создай такие же условия – и он загорится и будет обладать всеми теми свойствами, которые предписаны огню Солнцем, иметь и температуру, и свет, и тепло, и так далее. Поэтому, если вот так, в благости, воспринимать мир, именно как дар, а не как завоевание, тогда еще что-то может получиться. Пока в сознании человека нет смерти или представлений о смерти, для него нет и смерти. Как только человек взрослеет и начинает сталкиваться с тем, что есть смерть, его уносит в знакомые образы, куда-то под землю, и тут появляется смерть в самых волшебных своих нарядах. Но чаще всего это негатив, а вот если собрать позитив смерти, то окажется, что он равен тому негативу, который существует.

У меня был такой случай. Не знаю, на сколько он применим к другим. Я рассказывал ребенку сказку, а он умирал у меня на руках. И как только я останавливался, он требовал, чтобы я продолжал. Так он умер у меня на руках, предпочитая слушать сказку тому окружению, которое у него было. Думаю, в любом случае даже не важно содержание сказки, а важен контакт словесный и духовный, который возникает во время общения – во время общения на любом этапе заболевания или уже на моменте ухода.

И.К.: О сотрудниках детского хосписа вы сказали, что если они смогут создать сказку и сами будут сказочными, то и пространство вокруг них, в которое окунается ребенок, тоже становится сказочным. Интересным, увлекательным, а не страшным. А вот самому сотруднику как оставаться в этом ресурсе, как оставаться самому в сказке, чтобы смочь дарить эту сказку другому?

А.Г.: Нужно сперва найти жанр, в котором вы сами воспринимаете сказку. Будет ли это музыка, будет ли это танец, будет ли это сказка, стихотворение и так далее. Оно должно тебя питать, волновать. Пока оно тебя трогает, волнует, ты на плаву. Потому что фантазия держится у тех, кто ею пользуется. Если не пользоваться фантазией, то жизнь кажется бессмысленной. А сама фантазия не значит ложь! Она значит представления, которые тебе легче и проще иметь, принимать, чем внушения окружающих людей. Ты продолжаешь свою жизнь так, как ты хочешь. Не так объективно, как, скажем, требуется.

Дело за малым – создать свою сказку

И.К.: Вы создали первый хоспис, прошли огромный путь с тысячами своих пациентов. Что сегодня вы могли бы сказать тем, кто будет работать в первом детском хосписе в Москве?

А.Г.: Я бы сказал, что их можно было бы озаглавить, и это уже дало бы им стимул для их жизни: «В некотором царстве, в некотором государстве...» А дальше многоточие. Если не нравится это, то можно так: «В Москве поселился Волшебник...» Кто-то в этом услышит первую сказку своей бабушки.

Мне кажется, сказка – она больше связана с прошлым, с какими-то образами, которые нас донесли до современного мира, до настоящего момента. Это источник наших предков, и им надо воздать за то, что мы такие, какие мы есть, – хорошие или плохие. Но главное, что все мы растущие люди. Через страдание вырасти – это значит приобрести непоколебимость, дальновидность, ясновидение, яснослышание, с музой в жизни. Дело за малым – создать свою сказку и играть в нее, сколько хватил сил и желания.

И.К.: Возвращаясь к первому вопросу: как же прожить жизнь так, чтобы любящие руки оказались рядом?

А.Г.: Важен выбор. Мы всегда считаем кого-то своими друзьями, кого-то нет. А вот если бы мы смотрели на человека, помятуя о смерти, кого бы мы оставили при своей постели, когда бы мы стали умирать? Кого бы мы выбрали? Тут бы истинно дружеские чувства могли проявляться и можно было бы выбрать более точно. Но мы все время ограничиваем себя живыми людьми. А ведь есть еще мир условно мертвых. И может быть, эти любящие руки должны спускаться с неба, как крылья ангела...